

Мюссе Альфред де

Исповедь сына века

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
А59

А59 **Альфред де М.**
Исповедь сына века / Мюссе Альфред де – М.: Книга по Требованию, 2023. – 331 с.

ISBN 978-5-519-98410-2

ISBN 978-5-519-98410-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

СТЪ ПЕРЕВОДЧИМЪ.

Любимой задачей поэтовъ и романистовъ всѣхъ ^{вѣкъ} ~~этакъ~~ было изображеніе героя своего времени, въ которомъ они воплощали характерныя свойства, присущія цѣлому поколѣнію. Такія художественныя характеристики являлись у всѣхъ народовъ, таковы были напр. Чайльдъ—Гарольдъ Байрона, Опѣгизъ Пушкина, Рудинъ Тургенева. У французовъ Альфредъ Мюссе изобразилъ подобный типъ человѣка тридцатыхъ годовъ съ поразительной правдой и искренностью въ своихъ «Confessions d'un enfant du siècle.» Этотъ то именно романъ мы и выбрали для помѣщенія во второмъ томѣ «Иностранныхъ беллетристовъ.»

«Исповѣдь» Альфреда Мюссе имѣетъ неоспоримо важное значеніе, какъ историческій памятникъ эпохи броженія 30-хъ годовъ. Въ ней съ самыми мелкими оттѣнками очерченъ характеръ и умственный складъ одного молодого человѣка, почти юноши, родившагося въ то переходное время, когда идеи имперіи смѣшались съ идеями Реставраціи и всѣ бродили какъ бы въ потемкахъ, постоянно ища выхода и не находя его. Прекрасный, поэтический стиль, къ несчастію значительно теряющій въ переводѣ, составляетъ тоже одно изъ главныхъ достоинствъ Альфреда Мюссе. Въ выборѣ этого романа мы руководствовались желаніемъ познакомить публику съ однимъ изъ болѣе выдающихся французскихъ «сыновъ вѣка» и показать ей на

какой почвѣ выросло поколѣніе людей тридцатыхъ годовъ, которые жили и страдали какъ будто только для того, чтобы проложить памъ дорогу и своими нереальными страданіями подготовили почву къ нашимъ реальнымъ требованіямъ, которыя и тогда уже они угадывали съ замѣчательной чуткостью. Лучшимъ подтвержденіемъ этихъ словъ служить мнѣніе Мюссе объ эмансипаціи женщинъ, про которыхъ онъ говоритъ, что «со временемъ онѣ потребуютъ своихъ правъ.»

Для дополненія характеристики Альфреда Мюссе мы помѣщаемъ одинъ изъ лучшихъ его рассказовъ «Фредерикъ и Бернерета», извѣстный во Франціи подъ характернымъ названіемъ «roman de lagrisette.» Простота, искреннее чувство, поэтическая прелесть и какая то юношеская наивность, которой проникнута эта прелестная вещица, говорятъ сами за себя и не нуждаются ни въ какихъ комментаріяхъ.

Мы не будемъ распространяться о современномъ значеніи романовъ Андрэ Лео въ смыслѣ пропаганды идей о бракѣ, женскомъ трудѣ, воспитаніи и пр., все это вещи слишкомъ извѣстныя. Скажемъ только, что романъ ея, переведенный нами подъ заглавіемъ «Двѣ исторіи», съ полнѣйшей безыскусственностью представляетъ яркую картину общественнаго разложенія и грустные результаты, вытекающіе изъ господствующей во Франціи системы воспитанія.

Вотъ въ краткихъ словахъ изложеніе причинъ, побудившихъ насъ перевести вышеозначенные романы. Надѣмся, что публика и критика отнесутся къ нашему труду безпристрастно, безъ всякихъ предвзятыхъ данныхъ. Еще разъ повторяемъ, что вовсе не имѣемъ въ виду *поучать публику*, а хотимъ только доставить ей «пріятное и небезынтересное чтеніе.»

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ГЛАВА I.

Нужно многое пережить, чтобы написать исторію своей жизни, поэтому я пишу не о себѣ.

Въ молодости меня постигъ тяжкій нравственный недугъ и вотъ теперь я описываю то, что перенесъ въ теченіи трехъ лѣтъ. Еслибы только я одинъ страдалъ этимъ недугомъ, то умолчалъ бы о немъ, но такъ какъ многіе изъ моихъ современниковъ страдаютъ тѣмъ же самымъ, то я и пишу для нихъ; не знаю только, обратятъ ли они вниманіе на мои слова, впрочемъ, даже если никто не задумается надъ ними, я все-же принесу пользу хотя самому себѣ: скорѣе излечусь и, подобно пойманной лисицѣ, отгрызу ногу, попавшую въ капканъ.

ГЛАВА II.

Во время войнъ имперіи, когда мужья и братья сражались въ Германіи, измученныя безпокойствомъ матери произвели на свѣтъ цѣлое поколѣніе людей пылкихъ, болѣзненныхъ, нервныхъ. Зачатые въ промежуткахъ между битвами, воспитывавшіеся въ коллегіяхъ при звукахъ барабана, тысячи малютокъ мрачно озирали другъ друга, испытывая силу своихъ слабыхъ мышцъ. Время отъ времени появлялись ихъ окровавленные отцы, прижимали ихъ въ раззолоченной груди, затѣмъ опускали на землю и снова садились на коней.

Только одинъ человѣкъ жилъ тогда полною жизнію въ Европѣ; остальные стремились набраться того воздуха, кото-

рымъ онъ уже дышалъ. Каждый годъ Франція приносила въ даръ этому человѣку триста тысячъ молодыхъ людей; то была дань, платимая цезарю: если бы за нимъ не шло этого стада, онъ не могъ бы преслѣдовать своихъ цѣлей. Ему нужна была такая свита, чтобы пройти изъ одного конца міра въ другой и пасть въ тѣсной долинѣ пустыннаго острова, подъ плавающей ивой.

Никогда еще не проводилось столько бессонныхъ ночей, какъ во времена владычества этого человѣка; никогда еще на городскихъ стѣнахъ не бродило такой толпы неутѣшныхъ матерей; никогда еще не царило такого безмолвія вокругъ тѣхъ, которые вѣщали о смерти. И со всѣмъ тѣмъ никогда еще не бывало столько веселья, столько оживленія, столько воинственнаго духа во всѣхъ сердцахъ. Никогда еще не сіяло такого яркаго солнца какъ то, которое высушило всю эту кровь. Говорили, что богъ нарочно посылаетъ его этому человѣку и звали солнцемъ Аустерлица. Но онъ самъ, непрестаннымъ громомъ пушекъ, создавалъ свое солнце и облака застилали его лишь во дни, слѣдовавшіе за битвами.

Вотъ этотъ-то воздухъ, воздухъ безоблачнаго неба, въ которомъ горѣло столько славы, сверкало столько стали, вдыхали тогда дѣти. Они очень хорошо знали, что ихъ готовятъ на закланіе, но считали Мюрата неуязвимымъ, и слышали, что императоръ проѣхалъ по мосту подъ такимъ градомъ пуль, что сомнительно стало можетъ ли онъ умереть? Да если даже и ждала ихъ смерть впереди, то что за дѣло? Смерть была тогда такъ прекрасна, такъ величественна, такъ великолѣпна, облеченная въ дымящійся пурпуръ! Она такъ походила на надежду, она скашивала такіе зеленые колосья, что это ее какъ бы молодило и никто не вѣрилъ больше въ старость. Тогда во Франціи всѣ колыбели обратились въ щиты; всѣ гробы стали тоже щитами; стариковъ тогда по истинѣ не было; были только трупы или полу-боги.

Между тѣмъ бессмертный императоръ стоялъ однажды на холмѣ и смотрѣлъ, какъ семь народовъ душили другъ друга; пока онъ гадалъ, быть ли ему владыкой всего міра или только половины его, Азраиль пронесся надъ нимъ, слегка задѣлъ его концомъ крыла и столкнулъ въ океанъ. При шумѣ, произведенномъ его паденіемъ, умирающія державы привстали на своихъ смертныхъ одрахъ и, протянувъ крючковатые пальцы, всѣ царственные пауки подѣлили Европу и изъ пурпуровой мантии цезаря выкроили себѣ куртку арлекина.

Какъ путникъ, пока онъ въ дорогѣ, идетъ днемъ и ночью, не взирая на дождь и солнце, и не замѣчаетъ ни утомленія,

ни опасностей, но какъ скоро очутится дома въ своей семьѣ и сядетъ отдохнуть передъ очагомъ, то вдругъ почувствуетъ страшную усталость и съ трудомъ дотащится до постели, такъ и Франція, вдова цезаря, вдругъ почувствовала свою рану. Она ослабѣла и заснула такимъ глубокимъ сномъ, что ея старые короли сочли ее мертвой и накрыли бѣлымъ саваномъ. Старая сѣдая армія вернулась истомленная домой и въ опустѣлыхъ замкахъ печально задымились трубы.

Тогда эти герои имперіи, которые столько странствовали и перерѣзали столько народу, обняли своихъ исхудавшихъ женъ и заговорили о своей первой любви; созерцая себя въ ручьяхъ родимыхъ долинъ, они показались себѣ такими старыми и искалѣченными, что вспомнили про своихъ сыновей и пожелали, чтобы тѣ закрыли имъ глаза. Они спросили: гдѣ они? Дѣти вышли изъ коллегій и не видя кругомъ себя ни сабелъ, ни кирасъ, ни пѣхотинцевъ, ни кавалеристовъ, спросили въ свою очередь гдѣ ихъ отцы? Имъ отвѣчали, что война кончена, что цезарь умеръ и что портреты Веллингтона и Блюхера висятъ теперь въ прихожихъ консульствъ и посольствъ съ слѣдующей подписью: «*Salvatoribus mundi*».

Тогда на развалинахъ рушившагося міра воцарилась озабоченная юность. Всѣ эти дѣти были каплями горячей крови, оросившей землю: они родились въ самый разгаръ войны. Они въ теченіи пятнадцати лѣтъ мечтали о снѣговыхъ развалинахъ Москвы и палящемъ солнцѣ пирамидъ. Они не выходили изъ своихъ городовъ, но имъ говорили, что каждая застава этихъ городовъ ведетъ въ одну изъ европейскихъ столицъ. Въ головѣ ихъ вращался цѣлый міръ; они глядѣли на землю, на небо, на улицы, на дороги,—вездѣ было пусто и только вдали слышался колокольный звонъ церквей ихъ родины.

Блѣдные призраки въ черномъ одѣяніи медленно бродили по деревнямъ; другіе стучались въ двери и, когда ихъ открывали передъ ними, они вытаскивали изъ кармановъ большіе истертые пергаменты и въ силу ихъ изгоняли обитателей. Со всѣхъ сторонъ стекались люди, еще не очнувшіеся отъ великаго страха, обуявшаго ихъ при отъѣздѣ двадцать лѣтъ тому назадъ. Всѣ они заявили различныя требованія, спорили, шумѣли; нельзя было не удивляться, что одинъ трущъ привлечь такую стаю вороновъ.

Король Франціи сидѣлъ на престолѣ, озираясь по сторонамъ, не попадетъся ли ему на глаза враждебная пчела средиго драпировокъ съ гербами. Одни протягивали ему шляпы и онъ бросалъ имъ деньги; другіе подносили ему распятіе и онъ при-

владывался къ нему; третьи довольствовались тѣмъ, что выкрикивали ему на ухо громкія имена и этимъ послѣднимъ онъ предлагалъ пройти по парадной залѣ его дворца, гдѣ эхо звучало еще этими именами; наконецъ четвертые показывали ему свои старые плащи и, такъ какъ они спорили съ нихъ пчелъ, то онъ дарилъ ихъ новымъ платьемъ.

Дѣти глядѣли на все это, постоянно надѣясь, что тѣнь цезаря высадится въ Каниѣ и смететъ всю эту тлю, но безмолвіе продолжало царить, а небо отражало однѣ блѣдныя лиліи. Когда дѣти говорили о славѣ, имъ отвѣчали: «ступайте въ монахи»; когда они говорили о честолюбіи: «ступайте въ монахи»; о надеждѣ, о любви, о силѣ, о жизни, въ отвѣтъ все звучало: «ступайте въ монахи».

Между тѣмъ на трибуну взошелъ человѣкъ, державшій въ рукахъ договоръ между королемъ и народомъ; онъ началъ съ того, что объявилъ: слава вещь хорошая и воинское честолюбіе таже, но есть нѣчто лучшее—свобода.

Дѣти подняли головы и припомнили, что дѣды ихъ говорили тоже. Они вспомнили, что видали въ темныхъ углахъ родительскаго дома таинственные мраморные бюсты съ длинными волосами и латинской подписью; они припомнили, какъ бабушки ихъ покачивали головой за вечерней бесѣдой и толковали о потокахъ крови, болѣе ужасныхъ, чѣмъ тѣ, какіе пролилъ императоръ. Для нихъ въ словѣ свобода таилось нѣчто такое, что заставляло биться ихъ сердца; оно звучало какъ отдаленное и страшное воспоминаніе и какъ дорога, но еще болѣе отдаленная надежда.

Заслышавъ его, они встрепнулись, но возвращаясь домой встрѣтили три ящика, въ которыхъ несли въ Кламаръ трехъ обезглавленныхъ юношей, которые слишкомъ громко произнесли слово свобода.

Странная улыбка скользнула по ихъ губамъ при этомъ печальномъ зрѣлищѣ, но другіе ораторы, взойдя на трибуну, стали публично вычислять чего стоило честолюбіе и какъ дорого обходится слава; они показали весь ужасъ войны и обозвали бойней принесенныя жертвы. И они такъ долго и много говорили, что всѣ людскія иллюзіи осыпались, какъ листья осенью, а слушавшіе ихъ проводили рукой по лбу, какъ бы пробуждаясь отъ лихорадочнаго сна.

Одни говорили: «причиной паденія императора было то, что народъ отвернулся отъ него; другіе: «народъ хотѣлъ короля; нѣтъ, свободы; нѣтъ, разума; нѣтъ, религіи, нѣтъ, англійской конституціи; нѣтъ, абсолютизма;» послѣдній прибавилъ: «нѣтъ, ничего этого, а просто покой».

Итакъ три элемента образовали жизнь, отерывавшуюся тогда для молодаго поволаѣнія: позади него стояло прошедшее, на вѣки порѣшенное, но все еще копошившееся на своихъ развалинахъ со всѣми допотопными остатками вѣковъ абсолютизма; впереди необозримый горизонтъ, озаренный первыми лучами будущаго, а между этими двумя мірами нѣчто подобное океану, отдѣляющему старый материкъ отъ юной Америки, нѣчто неопредѣленное и туманное, море бурное и волнующееся, на которомъ время отъ времени показывался вдали бѣлый парусъ или корабль, испускавшій густой паръ. словомъ — текущій вѣкъ, который отдѣляетъ прошедшее отъ будущаго и составляетъ нѣчто среднее между тѣмъ и другимъ, нѣчто сходное и съ тѣмъ и съ другимъ, когда никто не можетъ опредѣлить ступаетъ ли онъ по юнымъ всходамъ или по развалинамъ.

Вотъ среди какого хаоса приходилось тогда избирать свой жизненный путь, вотъ что представлялось тогда дѣтямъ, исполненнымъ силы и отваги, сынамъ имперіи и внукамъ революціи.

Между тѣмъ отъ прошедшаго они отворачивались, потому что никакая вѣра не создается искусственно; будущее они любили, но какъ? какъ Пигмаліонъ Галатею; оно было для нихъ мраморной возлюбленной и они ждали, чтобы она оживилась, чтобы кровь заиграла въ ея жилахъ.

Итакъ имъ оставалось только настоящее, духъ вѣка, ангелъ сумерекъ, которыя не день и не ночь; они нашли его сидящимъ на человѣческихъ костяхъ, закутаннымъ въ мантию эгоизма и дрожащимъ отъ страшнаго холода. Смертельный трепетъ охватилъ ихъ душу при видѣ этого привидѣнія, не то муміи, не то зародыша; они подошли къ нему, какъ путешественникъ, которому показываютъ въ Стразбургѣ дочь одного изъ старыхъ графовъ Сарвенденъ, набальзамированную въ своемъ брачномъ нарядѣ; этотъ дѣтскій скелетъ заставляетъ содрогаться; на его тщедушныхъ и посинѣлыхъ рукахъ красуется обручальное кольцо, а голова, увѣнчанная померанцевыми цвѣтами, распадается въ прахъ.

Какъ передъ бурей по лѣсу проносится страшный вихрь, отъ котораго стонутъ деревья, а затѣмъ наступаетъ глубокое безмолвіе, такъ и Наполеонъ пронесся по свѣту, пошатнувъ его въ самыхъ основаніяхъ; короли почувствовали, что ихъ короны колеблются и, поднеся руку къ головѣ, ощущали только свои волосы, ставшіе дыбомъ отъ ужаса. Папа проѣхалъ триста миль лишь для того, чтобы благословить его во имя Господа и возложить на его главу діадему, но Наполеонъ самъ

взялъ ее изъ его рукъ. И такъ все трепетало въ мрачномъ лѣсу старой Европы, затѣмъ наступило безмолвіе.

Говорятъ, что если при встрѣчѣ съ бѣшеной собакой вы соберетесь съ духомъ и постепенно пойдете впередъ, не оглядываясь и не спѣша, то собака только пойдетъ за вами нѣсколько времени, глухо рыча, но если у васъ вырвется движеніе ужаса, если вы прибавите шагу, она бросится на васъ и растерзаетъ, такъ какъ, если она укуситъ разъ, то отъ нея уже не спастись.

Въ европейской исторіи бывали примѣры, что у государя вырывалось это движеніе ужаса и народъ пожиралъ его, но если и случалось это, то съ однимъ, а не со всѣми, то есть одинъ изъ королей погибалъ, но королевская власть оставалась неприкосновенной. Передъ Наполеономъ королевская власть сдѣлала то движеніе, которое губитъ, и ни одна только королевская власть, но и религія, но и дворянство, и всѣ небесныя и земныя силы.

По смерти Наполеона земныя и небесныя силы на дѣлѣ возстановились, но вѣра въ нихъ исчезла. Сознаніе возможности какаго либо дѣйствія является страшною опасностью, потому что умъ всегда забѣгаетъ впередъ. Великая разница говорить собѣ: «это могло бы быть», или же: «это бывало»; вотъ первое укушеніе собаки.

Деспотъ Наполеонъ былъ послѣдней вспышкой абсолютизма; онъ уничтожилъ королей и пародировалъ ихъ, какъ Вольтеръ священное писаніе. А послѣ него раздался великій шумъ: то камень съ св. Елены обрушился на старый міръ. Вслѣдъ затѣмъ на небѣ появилось ледяное свѣтило разума и его лучи, подобные лучамъ холодной богини ночи, проливая свѣтъ безъ тепла, набросили на міръ синеватый саванъ.

До той же поры, правда, бывали люди, ненавидѣвшіе дворянъ, осуждавшіе духовенство, составлявшіе заговоры противъ королей; много криковъ раздавалось противъ злоупотребленій и предрасудковъ, но великою новостью явилась улыбка на устахъ народа. Проходилъ ли дворянинъ, священникъ или государь, крестьяне, участвовавшіе въ войнѣ, покачивали головой, приговаривая: «Ага! вѣдь мы видѣли его когда-то; у него тогда была совсѣмъ другая фізіономія». А когда имъ говорили про троны и алтари, они возражали: «Это просто на просто четыре деревянныхъ доски, намъ случилось сколачивать и разрушать ихъ». А когда имъ говорили: «Народъ, ты раскался въ своихъ убѣжденіяхъ, ты призвалъ своихъ королей и духовенство; они отвѣчали: «Вовсе, не мы, а вотъ эти болтуны». А когда имъ говорили: «На-

родъ, забудь о прошломъ, работай и повинуйся», они выпрямлялись во весь ростъ и вмѣстѣ съ тѣмъ слышался глухой шумъ. То гремѣла въ углу хижины ржавая и зазубренная сабля. Тогда поспѣшно прибавляли: «По крайней мѣрѣ не волнуйся, не старайся вредить, пока тебѣ не вредятъ». Увы! они удовлетворились и этимъ.

Но молодое поколѣніе этимъ не удовлетворялось. Несомнѣнно, что въ человѣкѣ борются до самой смерти двѣ сокровенныя силы: одна, прозорливая и холодная, придерживается только дѣйствительности, измѣряетъ, взвѣшиваетъ и обсуждаетъ прошлое, другая томится по будущему и гонится за неизвѣстнымъ. Когда страсть овладѣваетъ человѣкомъ, разумъ съ плачемъ слѣдуетъ за нимъ, предупреждая его объ опасности, но какъ скоро человѣкъ остановится, послушный голосу разума, какъ скоро онъ скажетъ себѣ: «Правда, я безумецъ, куда я стремлюсь? «Страсть кричитъ ему: «А я-то, неужели я должна умереть?»

Чувство невыразимаго безпокойства бродило по этому во всѣхъ юныхъ сердцахъ. Осужденные владыками міра на покой, предоставленные на произволъ всякимъ педантамъ, праздности и скукѣ, юноши видѣли, какъ отступали передъ ними цѣпныя волны, съ которыми они думали помѣриться силами. Всѣ эти гладіаторы, приготовившіеся къ бою, ощущали въ глубинѣ души невыносимую тоску. Самые богатые сдѣлались развратниками; люди съ ограниченными средствами избрали себѣ карьеру и помирились или съ гражданской службой, или съ военной; бѣднѣйшіе принялись раздувать въ себѣ искусственный энтузіазмъ, накинудись на громкія слова, пустились въ ужасное море безцѣльной дѣятельности. Такъ какъ слабость человѣческая стремится къ ассоціаціи, и люди по природѣ своей заражены стаднымъ чувствомъ, то во все это замѣшалась политика. Вступали въ драку съ гвардейцами на ступеняхъ законодательной палаты, бѣжали въ театръ, когда Тальма надѣвалъ парижъ, придававшій ему сходство съ Цазаремъ, устремлялись на похороны либеральнаго депутата. Но среди членовъ двухъ враждебныхъ партій не было ни одного, который, возвращаясь домой, не сознавалъ бы съ горечью пустоты своего существованія и безсилія своихъ рукъ.

Между тѣмъ, какъ внѣшняя жизнь общества была такой безцвѣтной и ничтожной, внутренняя жизнь принимала мрачный и угрюмый видъ; самое строгое лицемеріе царило въ нравахъ; англійскія идеи соединились съ набожностью и самая веселость исчезла. Быть можетъ то само провидѣніе готовило свои новые пути, быть можетъ то ангелъ пред-

возвѣстникъ грядущаго общества, сѣялъ уже въ сердцахъ женщинъ сѣмена человѣческихъ правъ, которыхъ онѣ потребуютъ со временемъ. Но достовѣрно то, что внезапно въ парижскихъ салонахъ произошло нѣчто неслыханное: мужчины и женщины раздѣлились на два лагеря и однѣ, одѣтыя въ бѣломъ, какъ невѣсты, другіе — въ черномъ, какъ сироты, измѣрили другъ друга враждебнымъ взглядомъ. Не обманывайтесь: черное одѣяніе, усвоенное себѣ мужчинами въ наше время, служить ужаснымъ символомъ; чтобы дойти до него, необходимо было сбросить мало по малу кольчугу, шлемъ и питье кафтановъ цвѣтокъ за цвѣткомъ. Всѣ эти иллюзіи разрушилъ разумъ человѣческій, но онъ же надѣлъ по нимъ трауръ и ждетъ утѣшеній.

Всеобщая перемѣна отозвалась на нравахъ студентовъ и артистовъ, этихъ свободныхъ, прекрасныхъ, исполненныхъ юношеской свѣжести нравахъ. Мужчины, отдѣляясь отъ женщинъ, прошептали слово, которое ранитъ на смерть: презрѣніе. Они отдались вину и публичнымъ женщинамъ. Студенты и артисты послѣдовали ихъ примѣру: къ любви относились также какъ и къ религіи и славѣ: она стала отжившей иллюзіей. Итакъ всѣ шли въ непотребные дома; *призетка*, это мечтательное, романическое существо, любовь котораго была такъ нѣжна и пріятна, увидѣла себя покинутой за прилавкомъ. Она была бѣдна и ее перестали любить; она хотѣла щеголять и стала продавать свое тѣло. О позоръ, юноша, который долженъ былъ бы любить ее и котораго бы она сама любила, тотъ, кто возилъ ее въ былое время въ роцци Веррьеръ и Роменвилъ, танцовать на муравѣ, ужинать подъ тѣнью деревьевъ, тотъ, кто приходилъ болтать съ ней при свѣтѣ лампы, въ магазинѣ, въ зимніе длинные вечера, тотъ, кто дѣлилъ съ нею кусокъ хлѣба, добытый въ потѣ лица и свою возвышенную и бѣдную любовь; онъ, тотъ самый мужчина, покинувшій ее, находилъ ее за ночной оргіей въ публичномъ домѣ, блѣдную и увядшую, на вѣки погибшую, съ голоднымъ желудкомъ и продажнымъ сердцемъ.

Около этого времени два поэта, два самыхъ великихъ послѣ Наполеона генія нашего вѣка посвятили свою жизнь на то, чтобы собрать всѣ элементы скорби и отчаянія, разсѣянные въ мірѣ. Гёте, патріархъ новѣйшей литературы, изобразивъ въ Вертерѣ страсть; доводящую до самоубійства, создалъ въ лицѣ Фауста самый мрачный человѣческій образъ, какой когда либо изображалъ зло и несчастье. Творенія его начинали тогда переходить изъ Германіи во Францію. Въ тиши своего кабинета, окруженный картинами и статуями,